

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

A black and white illustration of a young woman with long, wavy hair, wearing a headband and a dark cloak. She is holding a small white flower. The background shows a forest on the left and a coastal town with a large building on a hill overlooking the sea on the right. Several birds are flying in the sky.

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

РОМАН

МОСКВА 2016

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на обложке *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Ольга, лесная княгиня : роман / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 576 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-88826-9

Она росла вдали от Киева, в глухом уголке, где юных девушек по-прежнему отдавали князю-медведю, а судьбой их распоряжалась старуха-ведунья, чья избушка стояла на границе мира живых и мертвых. Племянница Олега Вещего, покоровшего богатый Цареград, она была завидной невестой, а потому ее рукой планировали распорядиться в политических целях. Но характером и упрямством девушка пошла в дядю и все решила по-своему. Еще немного, и имя Ольги делается известно не только по всем славянским землям, но и далеко за их пределами.

УДК 821.161.1-311.6
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88826-9

© Антонова Е., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

Предисловие

«Счастье наше, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытянешь — ничего нету». Эта толстовская поговорка хорошо подходит для жизнеописания княгини Ольги. Казалось бы, знаменитейший персонаж русской истории — не только ранней, но и в целом, — а станешь искать, что же о ней достоверно известно, обретишь лишь пару сухих формальных указаний: анкета, и то далеко не полная. Была женой Игоря, матерью Святослава, бабкой Ярополка, Олега и Владимира. Правила в Киеве. Ездил в Константинополь. Приняла святое крещение. Умерла.

Наиболее раннее, ближайшее ко времени ее жизни изображение — фреска Софийского собора в Киеве, написанная в 1040—1050-х годах, то есть лет через восемьдесят после смерти княгини. Фреска настолько плохой сохранности, что разглядеть на ней ничего нельзя. Смутное пятно вместо лица. Но даже если бы мы могли увидеть эту фреску в первоизданной ясности, на портретное сходство рассчитывать не стоило бы: предположения, иногда выдвигаемые любителями истории, что во время создания фрески

якобы «в Киеве еще могли быть старики, помнившие Ольгу», надо признать фантастическими. Через семьдесят лет после смерти княгини «помнившим ее старикам» должно было быть хорошо за девяносто, а искать таких в эпоху, когда средняя продолжительность жизни составляла 35—40 лет, — занятие мало-перспективное.

И это очень символично: образ в истории и культуре есть, а человека как будто и нет. Самые ранние варианты жития Ольги относятся к XIII—XIV векам. Романтические подробности ее судьбы всплывают еще пару веков спустя. Летописные легенды имеют явные корни в фольклоре и бродячих сюжетах, то есть вероятность их достоверности для конкретной личности стремится к нулю. К тому же летопись и житие сильно противоречат друг другу. Житие уверяет, что с самого начала своей жизни «бьяше же блаженная княгиня руская Олга образом тиха, и кротка, и любима ко всем...». И это о женщине, которой летопись приписывает жесточайшие злодеяния нашей ранней истории? О женщине, которая сжигала целые города, приказывала убивать спящих тысячами, десятками закапывала живых людей в землю и сжигала? «Тиха и кротка»? Очевидно, что какие-то из этих сообщений, мягко говоря, недостоверны.

«Повесть временных лет», наш основной источник, указывает, что «приведоша ему (Игорю. — Е. Д.) жену от Пльскова, именем Олгу». Обычно считается, что это Псков (от древнего, балтского по происхождению названия реки Псковы — Плескава). Есть версии, что это — болгарская Плиска, то есть Ольга —

болгарка родом. Также давно высказано мнение, что тогдашний Псков-де был слишком мал, чтобы дать жизнь такой личности, поэтому имелся в виду соседствующий с ним древний Изборск. Ну вот: один, казалось бы, факт — и целых три версии истолкования. «О имени же отца и матери писание нигде же изъяви» (из жития). Все остальные факты, предлагаемые разными источниками, противоречивы и часто недостоверны. Ничто не выдерживает проверок: дата рождения, возраст замужества, причины брака с Игорем, дата рождения сына (или нескольких детей). В каком году Ольга овдовела? Сколько раз ездила в Константинополь и когда именно? Император Константин Багрянородный, включивший описание этого события в свои литературные труды, указал день недели и число, а также сумму денег в подарок, но не поставил год. Указанные им данные подходят к 946 и 957 годам. И кто там к кому присватывался: император к Ольге или Святослав — к дочери императора? Где и когда Ольга крестилась? Что ее подтолкнуло к этому шагу? Куда она ездила устанавливать «уставы и уроки»: в Новгородскую область, в земли древлян и дреговичей, в Крым? Одни версии и сомнения. И так — до самой ее смерти 11 июля 969 года. Эта дата является, пожалуй, единственным фактом ее биографии, который не оспаривается историками. Как и крестильное имя — Елена.

Почему так сложилось? Да потому что великой, добробоедной, всехваляемой и легендарной Ольга стала не сразу. И даже не при жизни. А только два-три поколения спустя, когда при внуке ее и правнучке стала

ясна перспективность пути, который она предложила Руси. А людям, которые опережают свое время, оно, оскорбленное, утонченно мстит: засыпает тоннами песка правду о них, пока никто еще и не догадывается, что эта правда очень важна. А когда потомки спохватываются — уже поздно: «нигде же изъяви».

Не у кого уже спросить, в какой семье она родилась, как выглядела, была ли, скажем, грамотна? И даже как при жизни звучало ее имя, ведь имеется не менее четырех вариантов! А «многие неложные свидетели», указующие на «весь, зовомую Выбуто» как на место ее рождения, могут лишь повторять распространенную в XVI столетии версию событий, происходивших шесть веков назад...

Глава 1

*Плесковская земля,
близ Люботиной веси,
9-й год после Чудской войны*

Когда умер дядя Одд, нам с Эльгой было по семь лет. Мы его совсем не знали, да и наши отцы, его младшие братья, не виделись с ним уже лет десять. Он жил очень далеко на юге, в Киеве, и весть о его смерти до нас дошла только через полгода, когда установился санный путь — торговые гости тронулись в обратную дорогу, и вуй Гремята кое-кого из них повстречал в Усвяте. Ближе к верховьям Днепра уже было известно, что в этом году полюдья нет.

Наши матери оделись в «печаль», и княжий двор тоже, хотя не в такую глубокую: плесковскому князю Судогостю далекий Одд Стрела, которого здесь называли Хельгом Киевским, приходился всего лишь сватом — деверем дочери. Сама Домолюба Судогостевна, Эльгина мать, своего старшего деверя никогда не встречала, поэтому причитала умело и красноречиво, как ей и подобало, но не слишком душераздирающе:

*— Уж мы ждали-то, победные головушки,
Тебя в гости, да по-старому, по-прежнему, —*

выводила она, рассадив нас, девочек, перед собой на длинной лавке, и приостанавливалась, давая нам возможность повторить.

— Тебя в гости, да по-старому... — старательно выводили мы на пять голосов.

В нашей семье я была единственной дочерью, поэтому, сколько себя помню, постоянно бегала к сестрам. Сперва одна, а с недавних пор — таская с собой брата Кетьку, которого осенью отняли от груди и вручили моему попечению. Эльга, с которой мы были ровесницы, помогала мне, а Вояна, старшая дочь Домаши от ее первого покойного мужа, присматривала за двумя младшими сестрами, Володеей и Беряшей — им тогда было пять и шесть лет. Братья их были совсем маленькими, зато моему родному брату Аське исполнилось уже девять — он еще иногда играл с нами, но чаще поглядывал в сторону хирдманов. Нас, детей, в семье росло только трое: Асмунд, Кетиль и я. Наша мать была еще молода, но Кетьку она рожала так тяжело, что все думали, она умрет. Старая княгиня, мать Домаши, принесла жертвы Суденицам — все же мы ей сватья. Благодаря этому мать выжила и совсем оправилась, но Кетька так и остался ее последним ребенком.

*Тут приехали к нам добрые людюшки,
Привезли-то к нам весточку нефадостну:
Нет во живности родимого свет-брателка! —*

повторяли мы за стрыиной Домашей слова причитания.

Даже Кетька, зажатый на скамье между мной и Эльгой, чтобы не свалился, хныкал, будто тоже понимал:

род лишился самого прославленного своего представителя.

Эльга получила имя в честь знаменитого родича, точнее, по второму прозвищу Одда Стрелы — Хельги. Словене называли его князь Хельг — или Олег — и считали ясновидящим. К тому времени как она родилась, Одд уже давно правил землей полян, поэтому даже старые князь и княгиня не возражали, чтобы их внучка получила варяжское имя. Наши с Володеей настоящие имена — Ауд и Вальдис — они так до конца и не признали, звали нас по-своему. Но мы привыкли: мы с детства говорили одинаково свободно и на словенском, и на северном языке.

Наши отцы устроили в честь брата Одда поминальный пир. Из Люботиной веси, что лежала через реку, прибыли родичи моей матери, из Плескова — Эльгиной: князь Судога с сыновьями, а еще тамошний воевода Сигбьерн ярл с женой и тоже с сыновьями. Его жена, фру Борглинд (старая княгиня звала ее Бурливой), в нарядном синем платье, сияла позолоченными наплечными застежками с тремя рядами цветных бус между ними, булавками и браслетами с узором из хитро переплетенных зверей.

На пиру отец и стрый Вальгард много рассказывали о юности своего родича, о его и своих предках, о походах и подвигах. Что и говорить: никто из нашего рода не достиг столь многого: стать конунгом в стране, где о нем до того и не слышали! По обычаю кривичей, на стол поставили миску и ложку для покойного, и жены братьев, как ближайшие родственницы, пригласили умершего к столу, поклонившись в закатную сторону:

*Приходи, да родный брателко,
Приходи да меду пити,
Меду пити да поести.
Да пойдешь ты не дороженькой —
Темным лесом да болотом...*

— И кто же теперь будет в Киеве князем? — спрашивали старейшины. — У него же вроде сыновей никого не осталось?

Все посмотрели на наших отцов, и те покачали головами.

В одном мудрому Одду не повезло: ему пришлось пережить своих сыновей, и многие считали, что именно такова была цена за его слишком выдающиеся успехи. Судьба ведь ничего не дает даром, и если она позволила человеку возвыситься больше, чем он мог ожидать, расплачиваться за это придется его потомству.

— В Усвяте слышал, что новым князем признали его внука, — сказал вуй Гремята. — Его тоже зовут Олег, что, конечно, делу помогло¹. А к тому же он по отцу княжьего рода — так кому же, как не ему? Киевские бояре за ним проехали через Усвят еще раньше нас.

— Но он же вроде малец еще? — Князь Судогость посмотрел на нас: мы рядком лежали на полатах, свесив головы.

— Вовсе нет, — возразил стрый Вальгард. — Его дочь вышла замуж за Предслава Моровлянина лет

¹ Согласно системе династического имянаречения европейского и древнерусского раннего Средневековья, данное ребенку имя обозначало его место в роду, то есть будущие претензии и права на наследство. Проще говоря, кого зовут Владимир, тот и князь. (Прим. авт.)

двадцать назад, так что его внук давно взрослый. Мы не слышали, чтобы он женился, но я бы не удивился, если бы оказалось, что мой брат Одд успел дожидаться и правнуков.

— Да уж наверняка его в Волховце женили, — заметил старейшина Доброзор, наш с Аськой и Кетькой дед по матери. — Коли на возрасте, то без жены они его в Киев не отпустят.

Глядя с полатей на родичей и гостей, на блюда, чаши и рога, слушая разговоры, мы еще мало что понимали. Наш двоюродный племянник, который был уже взрослым мужчиной, недавно провозглашенным киевским князем, рисовался нам весьма смутно. В наши головы тогда не приходило даже мысли, что мы сможем когда-нибудь его увидеть.

В конце пира стрыиня Домаша отошла к двери и ответила за покойного, кланяясь из тени:

*— Я с вами да насиделся,
Да на вас да нагляделся,
Я всего да накушался,
Да спасибо вам за все,
Да живите да не ссорьтесь.*

*А мне пора да восвояси,
Восвояси, да в темну могилку.
Далека да моя дороженька —
По темному лесу, по болоту...*

Нам было страшновато: Эльгина мать будто и правда ненадолго превратилась в покойника. Но уже на другой день мы обо всем этом забыли. Каза-

лось, далекий и неведомый Одд Хельги на миг бросил на нас пристальный взгляд из Закрадьи и снова скрылся навсегда.

До Олега Моровлянина — того человека, которого смерть Олега Вещего затрагивала сильнее всех, — весть дошла еще позже.

Миновало немало дней, прежде чем обоз от Усвята, пробираясь через метели и заносы, на которые щедро оказалась нынешняя зима, дополз до берегов Ильменя. Обогнув замерзшее озеро, минуя гнезда, веси и городцы, он наконец притащился к истоку Волхова, где стоял городок под названием Волховец. К этому времени уже все жители Поозерья знали о важном событии, поэтому обоз сопровождали незваные гости из Будгоща, Ярилина и Варяжска, лежащего на реке Варяже. Все хотели знать, что будет дальше.

Городок Волховец был не так стар, как соседний Словенск. Когда-то это место на Восточном пути называлось просто Скипстад — Корабельная Стоянка. Уже века полтора назад, а то и больше здесь приставали на отдых варяги, искавшие путь сперва на Волгу, а потом и на Днепр — к богатым восточным рынкам.

Всякое лето здесь дымили костры, возле них сидели кучками понурые пленники; местные жители, завидев эти дымы, съезжались предложить свой товар в обмен на привезенный. И далеко не всякий раз торг обходился мирно. Порой после отплытия варягов берег бывал усеян отрубленными головами коров и лошадей, захваченных в селениях по пути и забитых на мясо перед дорогой.

Укрепления возвел более полувека назад Тородд конунг, перебравшийся сюда из Ладоги. Он первым оценил преимущества пригорка над Волховом, ближайшего со стороны устья: заняв его, можно было держать в руках путь с Волхова в озеро и обратно. И сейчас еще Волховец заметно отличался от других городцов Поозерья и Приильменя, где сидели старинные словенские роды, пришедшие сюда века четыре назад. Его стены, выстроенные из засыпанных землей срубов, не опоясывали вершину холма или мыса — как у тех городцов, что выросли из старинных родовых укреплений, — а полумесяцем огибали часть берега, где когда-то лежали вытасщенные на сушу корабли и стояли шатры первых варягов на волховском пути.

С появлением здесь Тородда наконец прекратились набеги на Приильмень с моря: его дружина, пребывавшая в постоянной готовности, защищала окрестные поселения гораздо успешнее, чем худо вооруженные родовые ополчения, которые еще нужно было долго собирать. Закончились и разнообразные столкновения между проезжающими и местными: Тородд обеспечивал на месте торгового мира и соблюдение обычаев, по которым живут все подобные места по берегам Варяжского моря. В обмен на это Тородд стал брать со словен дань в основном съестными припасами, тканями и мехами, необходимыми для содержания его дома и дружины. Обеспечивая безопасность торгового пути, он взимал плату с проезжающих за построй, за право прохода и за охрану на пути через Ильмень.